Поэзия, обожженная Чернобылем.

ВЛАДИМИР ГНИЛОМЕДОВ

О творчестве Миколы Метлицкого

Современники Данте верили, что автор «Божественной комедии» побывал в преисподней и даже не раз туда спускался, — иначе, откуда у него были вести о тех, кто там томится, откуда курчавая борода и потемневшее от адского дыма лицо?

Поэт Микола Метлицкий — наш современник, и его судьба в поэзии, через далекие ассоциации, напоминает мне о том, что случилось со средневековым Данте: Метлицкого тоже обожгло невидимое пламя, пламя адского Чернобыля, оставившее неизгладимую печать на его творчестве.

Родом он с Полесья, из знаменитого Бабчина. Это — большая деревня в Хойникском районе, где в семье Михаила Ефимовича и Валентины Григорьевны Метлицких 20 марта 1954 года родился будущий поэт. После аварии на Чернобыльской АЭС в 1986-м деревня была эвакуирована, что также стало большой личной трагедией поэта. Жизнь разделилась надвое — до Чернобыля и после Чернобыля. Стоит ли доказывать, что это обстоятельство обусловило, видоизменило весь характер творчества поэта, его мировосприятие, поэтику и все остальное, но начинал он свою литературную борозду еще до Чернобыля, в 70-е годы, которые были для него ранним, начальным периодом творческого становления. Этот период поэт провел, работая на своем «полесском наделе», как писал про него А.Велюгин в предисловии к первому сборнику «Обелиск во ржи» (1980), в котором, впрочем, есть и такие строчки:

Веска з дзіўнаю назваю Бабчын
Ад калыскі гняздіцца ў душы.

Бабчин любимое место, куда зрелый поэт не перестает время от времени возвращаться и сегодня, чтобы постоять около родового гнезда, вытереть слезу от нахлынувших воспоминаний...

Первый сборник, о котором я уже упоминал, и второй — «Мой день земной» (1985) успели увидеть мир до чернобыльской «навалы». Они наполнены светлыми мотивами и образами. Мир поэта восстает в красках и звуках — разноцветным, Метлицкий умеет передать хлопоты, заботы и радость жизни, свою влюбленность в окружающую природную среду, в свою малую родину, в тружеников-земляков.

Детство, которое в его поэзии выглядит подчас почти экзотическим.

Было:
Прыходзілі ласі
У вёску з чарадой.
І голас кані галасіў
Над мутнаю вадой.

І лотаць млела у лазе,
Аж залачаў прастор.
І бусел на адной назе —
Балотны дырыжор.

Вспоминаю эти строчки и ловлю себя на мысли, что мне интересно пройтись тропинками поэта, припомнить отдельные произведения.

После десятилетки Микола подался в Минск, поступил в Белгосуниверситет, на филологический факультет, ведь стихи сочинял уже в школе, в старших классах. А куда поэту дорога, как не на филологический факультет. Площадка для взлета!

В 1972—1973 годах работал в хойникской районной газете. Вынужден был по состоянию здоровья взять академический отпуск в университете. Полесский воздух положительно повлиял на здоровье, а родной Хойникский район он исходил и исколесил вдоль и поперек, побывал в каждом селении, сроднился с людьми, что, несомненно, пригодилось в будущем.

В своих странствованиях он, земляк И.Мележа, не раз навестил Глинище:

Самая сціплая ў Глінішчах хата,
Як і калі пачарнела ад слот?
Скарбаў — багата
І песень — багата,
Дыхаеш прэлай дрыгвою балот.

Это и было начало своей полесской темы, своей полесской песни. К.Метлицкому, как и к Мележу, рано пришло ощущение собственного пути, и это выразительно отразилось и на его биографии, и в произведениях. Была возможность поступить в аспирантуру — ждал в Ленинграде, в Пушкинском Доме, сам академик Д.С.Лихачев, но выпускник БГУ сделал свой выбор, остался верным поэтическому призванию.

Поэзия изобилует определениями, которые соответствуют ее отношению к жизни. Природа поэзии противоречивая: она стремится к постоянным этическим величинам, которые не зависят от времени и изменений в человеческом сознании, но в художественном тексте эти величины оживают только когда опираются на самоощущение человека. Это самоощущение, думается, нашло выразительный оттиск в творчестве М.Метлицкого, в его лирических стихотворениях и поэмах. За его поэзией стоял живой человек со своим характером и биографией, своим строем мышления и позицией. Правду говорят теоретики: «Как и что ты видишь — такой ты и человек». По натуре это был идеалист, даже неисправимый идеалист, который всем верил и повсюду искал гармонию и красоту, однако часто, к сожалению, приходилось убеждаться, что и жизнь, и люди очень далеки от совершенства. Но в целом жизнь давала ощущение прочности, устойчивости, вечности:

Ты — радуйся, жыві
На той зямлі, дзе каласуе жыта.
Яна крывей салдацкаю здабыта
Для нашае, сыноўняе, любві.

Внутренняя, человеческая, психологическая суть его поэзии выражала себя во многих стихотворениях, в том числе и в лирике интимного плана:

Дажджынка упала, апёкшы шчаку.
Не праганяй кроплю малую,
Пачуў, у лёце стрымаўшы руку:
Дажджынкай кожнай
Цябе цалую.

Такое, говорят, дорогого стоит. А как он написал про мать!

Сэрца тваё...
Я чую, як яно тахкае,
Збалелае, хворае,
У чорных грудзях планеты.
Няужо ей, мама,
Маючы сэрца твоё,
З арбіты сысці?

Тема матери — сквозная в творчестве поэта, и он как преданный сын будет вновь и вновь к ней возвращаться:

Спі, родная.
Жальбой бясконца
Душа мая пад небам апавіта.
Магільны груд — тваё цалуе сонца,
Магільны сон — тваё калыша жыта.

Поэт не ищет случайных созвучий — их подсказывает мысль, которая существует в этой своей предметно-чувственной внутренней форме, неповторимой энергетической пульсации.

Поэзия М.Метлицкого — очень заметное и оригинальное явление современной белорусской литературы, которая в лучшей своей части не порвала с национальными традициями, не ударилась в бесшабашный авангардизм, не усомнилась в человеческой доброте, в высоких моральных ценностях и духовных истинах. Она выдержала экзамен и испытания нашего сурового времени, не поддалась ненадежным, хотя и модным, соблазнительным влияниям и продолжает идти, как сказал бы Купала, «путями жизни». Поясню свою мысль строчками известного московского поэта-переводчика Якова Хелемского, которые он посвятил своим белорусским друзьям:

Люблю поэтов белорусских,
У них стихи — не белоручки,
А работяги-мастера.

За тихим шелестом пера —
Гул жерновов неутомимых,
И скрип колес, и посвист кос,
И эхо самодельной мины,
Врага пустившей под откос...

В этих образах и метафорических находках автора слышится не только отклик истории, но и читается лаконичная «типологическая» (простите мне этот сухой литературоведческий термин) характеристика белорусской поэзии, ее содержательной художественной самобытности; она всегда жила беспокойством и общественной ангажированностью, стремлением сказать за всё и за всех. В русле этих традиций и развивается творчество М.Метлицкого, который уверен, что и в XXI столетии перед писателями стоит все та же неизменная задача: «И в наше время — время переоценки человеческих ценностей - доказать обществу, что без соприкосновения с художественным словом гибельно скудеет сама человеческая суть» («ЛіМ», 2002, 26 июля).

Ценное свойство поэзии М.Метлицкого — оно обнаружилось уже в самом начале — речистое, живое слово, которое несло в себе множество ассоциативных связей, активно объясняло то, что происходило в сознании людей, помогало поэту выразительнее очертить свою идейно-гуманистическую позицию.

Период «застоя» — 80-е годы — непосредственным, бытовым способом мало отразился в книгах М.Метлицкого, но отразился! Например, через нравственные, духовные поиски. К сборнику «Роза ветров» (1987) автор в качестве эпиграфа взял отрывок из стихотворения М. Богдановича:

Хто мы такія?
Толькі падарожныя, —
Папутнікі сярод нябёс.
Нашто ж на зямлі
Сваркі і звадкі, боль і горыч.
Калі ўсе мы разам ляцім
Да зор?

Упомянутыми богдановичскими строчками поэт хотел, по-видимому, напомнить, что мы далеко не первые, кто задумался над сложностью мира и человеческими судьбами. Думали и до нас — классики. М.Метлицкий передает мироощущение своего современника. Давний вопрос Богдановича он ставит на новую социальную почву, в несравненно более жестких обстоятельствах. «Ссор и раздоров» тогда, в 70— 80-е годы, хватало — и между политическими системами, и между государствами, и в обычной человеческой среде! Поэт действует в русле традиции — своим личным духовным и биографическим опытом противостоит силам зла, энтропии, человеческому отчуждению. А в чем, как не в этом — в противостоянии злу, забвению, «черным сумеркам» одиночества, — и заключается задача поэзии, ее «главная тема»!

Думается, такой взгляд во многом близок М.Метлицкому. Отсюда — интенсивность и смелость поэтической мысли, масштабность и контрастность образности, отрицание бытового плана. Поэт широко использует приемы укрупненного плана. Родина. Земля, Солнце, Вселенная. Вечность. Время, Память — эти слова он пишет с большой буквы.

Если же говорить о литературной родословной героя М.Метлицкого, то надо отметить, что он не только потомок М.Богдановича, но и младший современник А.Кулешова со свойственным одному и другому стремлением к емким, масштабным обобщениям. Поэтика масштабных обобщений была свойственна белорусской поэзии 20-х годов, насыщенной абстрактными космическими образами и библейскими аллюзиями, образами Апокалипсиса с его ведущей мыслью о неизбежной победе добра над злом, о конце старых, «грешных» времен и будущем царстве справедливости, однако этой поэтике вредил схематизм, литературность. Космическим пафосом схематизации героя и мира проникнута поэма-фантазия М.Чарота «Краснокрылый вещун». Поэзия тут, по сути, тождественна идеологии — прославлению мировой революции, которую стремились разжечь большевики. Сегодня уже нет нужды говорить о химеричности и утопичности этого проекта. Современная поэзия, конечно, живет другим, хоть временами и «вторгается» в космос. Она — реальная, что видим и у М.Метлицкого, который даже в самых

высоких космических образах и жестах не порывает с земным.

Поэт не забывает про внутренний мир человека, его духовность. Впрочем, «не забывает» — не то слово, он живет духовными проблемами современности, высокими психологическими нагрузками, верой в победу жизни.

Поэзия живет вопросами. Кто я? Сколько мне лет? Какая моя судьба? — похожие вопросы лирический герой «Розы ветров» задает себе часто, соизмеряя свой возраст с возрастом человечества, обогащенный его историческим опытом.

Сборник свидетельствовал, что его автор остро ощущает несоответствие между уровнем научно-технических знаний и средним уровнем сознания человека («Мы умеем уже...»). Однако при всем драматизме положения поэт не падает духом. О лирическом герое поэзии М.Метлицкого рассказала читателю поэма «Небо».

Хто я? — Вечны сузіральнік
Недасяжнай небнай шыры.
Нада мною, як пытальнік,
Млечны Шлях...
І зор пункціры…

«Небо» — лирико-публицистическая поэма. Она свидетельствовала о вере в гуманистические ценности, которые являются общечеловеческими и утверждают себя через борьбу, противоречия и трагедии.

Я не веру, што планета
Наша — вострaў адзінокі.
У абсяжышчы сусвету
Чалавека ўсюды крокі.

Мысль направлена в глубину философского познания бытия, которое видится автору в его многомерности, постоянном обновлении, круговороте, внутренней динамике. Человек выживает потому, прежде всего, что он человек: прочность его и мощь — в человечности. Человеческая совесть не должна поддаться силам расщепления.

Лирический герой вопреки всему дурному стремится к духовной полноценности, к счастью и красоте. Это стремление — во многих стихотворениях. «География души» поэта — широкая. И, разумеется, не только благодаря «космизму», космическим мотивам. Он стремится осознать полноту и многомерность связей человека со всем миром, понять себя самого и через себя — мир. В книге действует цепная связь: Земля — Родина — Полесье.

* * *

Где-то в это время, в начале 80-х, Микола в дружеском разговоре признался мне, что пишет роман, и я, конечно, был очень удивлен этим его новым и, как мне показалось, неожиданным замыслом. Время, однако, внесло коррективы и в творческие планы, и в эстетичные взгляды, и в саму жизнь. Черный 1986-й оказался трагическим, судьбоносным как для всей Беларуси, так и для М.Метлицкого, его жизни и поэзии.

Очередная книга «Путь человеческий» создавалась под воздействием печальных событий этого и последующих годов. В зоне отчуждения оказался родной Бабчин — исток жизненной дороги поэта. Одно из стихотворений, помещенных в ней, так и называется — «1986 год».

Ты мне ахвяраваў
З радзімай развітанне:
Шаптанне мёртвых траў
Крыніц атрутных ззянне.

Астылы матчын двор,
Усплёск самотны рэчкі
Чароды зяблых зор,
Што ўспыхнулі, як свечкі.

Видоизменилось все: «Сбросит завтра перо на село журавль, и никто не подхватит его». Опустели родные улицы, жалобно скрипит колодезный журавль, зарастают полынью дворы. Поэт остался прикован к своему времени бедой Чернобыля, судьбами потерпевших людей.

Т.Шамякина на этот счет писала: «После Чернобыля Метлицкий утрачивает состояние влюбленности в жизнь, ведь Природа, оставаясь красивой для глаз, перестает быть истоком внутреннего жара. Ум знает: от нее — жар другой, смертельный для тела. Человек бьется в отчаянии и не видит выхода». Это вроде бы и так (несомненно так), но поэзия, как и вся литература, безусловно, опирается на

целостное понимание и восприятие мира, стремится к универсальному, всеобъятному. Выдающийся деятель нашего Возрождения Вацлав Ластовский понимал литературу так: «Литература отражает в себе душу народа, его «тревожные думы», его «чуткие и волнующие чувства», его «понимание радующей красоты». Таков и М.Метлицкий — его многое тревожит и беспокоит. Он лирик и публицист одновременно.

Одну из своих книг Янка Купала назвал «Дорогой жизни». Мне видится, что название сборника стихотворений и поэм Метлицкого «Путь человеческий» перекликается с купаловским — звучит слаженно с ним. Перекличка, думается, не только в названии, но и в том, что за ним стоит. Начинается сборник кратким, но в философском смысле емким четверостишием:

На абшарах зямных пад Сонцам
Мы сышліся на гулкім вечы.
Два шляхі ў Сусвеце бясконцым —
Млечиы Шлях і Шлях Чалавечы.

Человек — лирический герой — берется не только в земном, но и в космическом плане — как обитатель Вселенной, связанный с нею всей своей жизнью и внутренней, биологической структурой. Это, мне кажется, очень верно и очень оригинально. Та истина, что человек — существо космическое в такой же степени, как и земное, расширяет творческую концепцию поэта, углубляет ощущение неповторимости и ценности личности и ее ответственности за жизнь, содействует усилению «ощущения семьи единой» в общечеловеческом масштабе.

Мы большей частью смотрим на космос буднично — как на безжизненную материю, которую надо использовать в тех или иных целях. Поэт обживает его эстетически, приближает к нам, он знает, что энергия Земли, ее тепло — от Солнца и звезд.

Яшчэ шляхамі зорных заварух
Па космасу пустэльнай паласе
Ён горда пройдзе, чалавечы дух,
І розум чалавечы пранясе.

Поэт считает, что человек — неповторимый цветок Вселенной, возросший под благодатными лучами Солнца, Между ним и космосом существует невидимая, но постоянная связь, которая должна глубоко осознаваться человеком.

Вечнасцю неба наліта
Вечнасцю сэрца налі.

Заслуга поэзии М.Метлицкого, как мне думается, в том, что она расширяет (насколько это доступно и возможно) взгляд человека на мир и на свое место в нем. В лирическом герое поэта, несмотря на его космизм, я не нахожу ничего абстрактного — он связан с реальным бытием человека. П.Панченко прозорливо сказал: «Без человечности не будет и вечности». Эта мысль близка и Метлицкому, который постоянно апеллирует к человечности, поэтому стихотворения его звучат по-современному остро и насущно.

Нобелевский лауреат, австрийский писатель XX столетия Э.Канети, исходя из своего, да и не только своего опыта, писал, что «настоящий писатель, каким мы его себе представляем, всегда во власти своего времени, он его слуга, его крепостной, его последний раб». К такому типу художников относится, думается, и М.Метлицкий. Несомненным творческим достижением поэта, верного своей теме, стала книга «Полесская печаль» (1991 г.), которая увидела мир в годы перестройки. Она поразила многими стихами: «29 августа 1986 года», «Согласно одной встрече», «Рисунки на черном асфальте», «Последний ночлег», «Сон», поэмой «Нехоженая вселенная» и пр. Все эти произведения очень органичны для автора, ненадуманны; была внутренняя необходимость написать их, и он написал.

Накануне выхода этой книги М.Арочка отметил: «Горечь «полесской печали» начала почти целиком держать в плену стихи М.Метлицкого — их определяет собственно пережитая, сердцем увиденная детализация, щемящая густота конкретных знаков беды, того черного семени, что засеяло родное поле дикой пустошью: чернобыльник с далекой границы подступился к порогу отеческого дома, сквозь пустую траву одиноко смотрят в тревожный мир тетерева с огорода, тень

мастера-печника блуждает в слепом сумраке, а высокий чин, приехав в Брэгин на шикарной машине со всеми запасами «чистого» продовольствия и питья, лживо пытается ослепить очередной демагогией уже ослепших, заболевших телом и душой — «Занёс на боль чыноуны бот»...

Если в прежних сборниках ощущалась табуированность некоторых сфер жизни, то теперь она исчезла, автор сумел тронуть, зацепить читателя за живое, заинтересовать его, заинтриговать. Многие стихотворения вспоминаются, в особенности те, где драматическая эмпирика перерастает в философское размышление:

Не спытаеш у хмары:
Куда?
Не спытаеш:
Куды?
У бяды.
На чаканы падказ
Свет глухі.
Не пазначены
Згубы шляхі.

В 1996 году увидела свет одна из самых сильных книг М.Метлицкого — сборник стихотворений «Бабчин», которую автор назвал «книгой жизни». Книга имеет эпиграф:

Глыток чысіні.
Суцемак гладыша.
Безгалосыя дні.
Параненая душа.

Четыре строки — четыре образа. Они, чрезвычайно глубокие своим содержанием, стали названиями четырех разделов сборника, в котором — я это говорю с ответственностью — с необычной полнотой отразился народный опыт отношения к жизни. Книга писалась на необычном эмоциональном накале. Многие стихотворения напоминают трены (трен по-латински — плач, плач по потерянному). Это в особенности относится к циклам «Безголосые дни» и «Раненая душа». В них выявлены экзистенциалы пережитого и выстраданного людьми, постоянно рефлексирующее сознание поэта, который стремится осознать, что же происходит в мире и в его душе. Основная идея талантливо выявлена в стихотворении «Бессмертник», с которого начинается книга:

Бяссмертнік, атручаны лекі твае.
Жыцця тут пагаслага мёртвая стынь.
А шчасне былое жаўцяна ўстае,
Мне дорыць і дорыць жывую святлынь.
О, колькі жадана ўвабрала яна
Дыхання каханай, і мрой, і цяпла.
І зараз пакутніца свету адна
Шчыруе над цветам душа, як пчала.

Поэт хочет, чтобы потеплела человеческая душа — даже после такого ужасного события, как Чернобыль, но печальные реалии крестьянского дома — стол (на котором нет хлеба), скамья у стены (на которую уже никто не сядет), печь (которую уже никто не зажжет) — возвращают к действительности, «усланай покрывам радыяцыя» (стихотворение «Згадкі ў хаце»).

М. Метлицкий обладает редким даром создания народных характеров, в особенности много их в разделе «Сумерки кувшина», в стихотворениях «Николаев дуб», «Баллада про Варин огород», «Яблочный Спас», «Она», «Волшебница» и пр.

Отличное стихотворение «Библиотека». Опустевшая деревенская библиотека. Только ветер, что прилетел «через разбитые стекла окон», листает подшивки газет. Но внутреннему зрению поэта видно, как вышли из нее две невидимые фигуры прежних заядлых читателей Маланковича и Букваря:

Ані слядка на расе.
Удаль павядзе іх вечар.
Старонкі прачытаны —
Ўсе! —
Трагедыі чалавечай.

В мире поэта хозяйничает память, воссоздает свои картины и образы, подтверждает непреходящие человеческие ценности. Однако было бы несправедливо ограничивать поэта тематически, он — многогранный. Умеет быть интимно добродушным, нежным и умеет взять на себя миссию судьи, подняться до

публицистического уровня, тронуть наболевшее, сказать обществу без утаивания, что в нем плохо, каким должен быть, по его мысли, человек и каким должен быть мир. М.Метлицкий выступает как летописец чернобыльской трагедии, который посвятил ей немало глубоких, прочувствованных книг и отдельных произведений, известных далеко за границами Беларуси, наполненных горечью и кручиной, верностью и обидой. Их герои — односельчане и земляки поэта — на себе изведали цену нечуткого и обесчеловеченного прогресса, который позабыл про мораль, духовность и нравственные ценности. Но главное в этих стихотворениях не то, что потеряно, а то, что навеки осталось с ним, в чуткой душе поэта. Стихи М.Метлицкого часто вырастают из воспоминаний о родственниках, соседях, о деревне и деревенском быте. За строчкой стоит правда переживания.

Прочитав «Бабчин», я непроизвольно подумал, что по сути это лирический роман — не осуществление ли того замысла, которым Микола делился со мной в середине 80-х? Хронотопом этого романа в стихах стала выселенная родная деревня, в которой остановилось время, или стало только цикличным, но обитатели остались — тени ее жителей. Их много, и все они тут: Катюша, Яниха, Антося, Макрена, Бавариха, Аксинчик, Зоя, Манька, Нюра... И отдельные стихотворения из этого романа представляются мне кусками янтаря, в которых навечно сохраняются картины пережитого поэтом, образы памяти, полесские пейзажи, фигуры земляков, бытовые ситуации. Автор постигает мир изнутри, находясь в гуще жизни, ему близка народная простота взгляда, которую он сочетает, однако, с высшей рефлексией.

Пішу вам, цётка Анюта,
Двор — палын ды быльнёг.
Хата — горам замкнута,
У крапіве парог.

Прытхла і гаркавата,
Сырасць між сцен.
Шлю вам прывет.
З вашай хаты —
Шчасце гукаю ў замен...

(«Пішу вам, цётка Анюта...»)

Основным, базовым образом в «Бабчине» является образ молчания, тишины: «Хаты пустыя... Яблынь сям’я. / Воблікі гаспадароў. / Ходзіць нясходна памяць мая / Быльнягамі двароў...» Молчание — это немой крик, пантомима души поэта, жесты этой души... И поэт хочет разорвать замкнутый круг молчания. Высокого взлета в этом смысле его строка достигает в стихотворении «Последний Бабчина житель...».

В поэзии М.Метлицкого, летописца родного Бабчина, несмотря на весь ее драматизм и напряженность, нет ощущения жизненного тупика, безысходности или отчаяния. Мужество, свобода, стойкость — вот основа мироощущения лирического героя «Бабчина». В активной позиции сострадания и помощи людям — весь М.Метлицкий. Для Полесья он свой. Когда, после чернобыльского нашествия, бабчинцев переселили, он хотел и добивался, чтобы земляки были переселены вместе, всей деревней. Исторический Бабчин сохранился бы и в названии, и целиком, в одном месте, но начальство, из своих соображений, распорядилось по-другому, и люди очутились в разных регионах. Люди, слава Богу, живут, поддерживают связи, приглашают в гости поэта.

В 1986 году М.Метлицкий стал лауреатом премии Ленинского комсомола Беларуси, а в 1998-м — за книгу поэзии «Бабчин» — получил Государственную премию Республики Беларусь имени Янки Купалы.

После «Бабчина» были новые сборники: «Хойникская тетрадь» (1999), «Жизни глубинные омуты» (2001), «Замкнутый дом» (2005). В них автор обращает взор на духовные ценности, вглядывается в антологические проблемы бытия, стремится гармонизировать мир, использует библейско-христианскую тематику. После «Полесской печали» и «Бабчина» нелегко подняться к новым вершинам, но Метлицкий не был бы Метлицким, если бы не старался это сделать. Его поэзия подводит итог развития человека в XX столетии, который стремится к тому, чтобы стать интересным для самого себя, чтобы увидеть другого и завязать с

ним диалог, решиться на поступок, иметь смелость думать по-своему. Сегодня продолжается процесс автономизации человеческой личности, ее дальнейшей индивидуализации. Все это найдем в творчестве М.Метлицкого. Проект поэта — по-настоящему величественный и масштабный; он, как библейский пророк, хочет спасти и осчастливить всех, все человечество. Этого пока что, к сожалению, никому не удалось сделать. В его творчестве обнаружился пассионарный тип личности, которая обладает, без сомнения, чрезвычайной жизненной энергией и использует ее для активной деятельности, для высоких, чаще всего идеальных целей.

И персональный вклад М.Метлицкого в национальную духовную копилку: в его поэзии потомки найдут облик Беларуси, обозначенной потерями века — болью хатыней, чернобыльских бабчинов.

Ахіні — бела-белым — крылом
Вечаровую вулку, бусел.
Я пагрукаю у кожны дом,
З кожнай студні вады нап'юся.

Той радзіннай зямлёй, сваей,
Пакіруюся ў шлях далекі.
Сумна, дзіка ўзышлі на ей
Палыны ды асокі.

Горкнуць крокі бяды, хады,
Смягнуць сцята і суха у горле.
Выйдуць з хат перастрэць дзяды:
Не паверу — дзяды памёрлі.

Это — прекрасная, духовно обостренная, высочайшей пробы лирика, которая свидетельствует о больших возможностях автора, возможностях его поэтики со свойственными ей психологизмом и образностью.

«Талант — это доверенность, — считал русский поэт Евгений Баратынский, — которую необходимо соблюсти любой ценой», Думаю, что Микола Метлицкий об этом знает. Его поэзия — это духовное сопротивление тому невероятному послечернобыльскому миру, в котором оказался человек.

В.Гниломедов

Источник: Нёман.-2010.-№4.-С.204-212.